

ИСТОРИЯ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИОГРАФИИ*

2023 г. В.А. Рафикова*

*Аспирант факультета психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; e-mail: veronikarafikova1996@gmail.com

DOI: 10.38098/ipran.sep_2023_30_2_07

Поступила в редакцию 16 мая 2023 г.

Аннотация. Рассматривается проблема развития истории психологии в свете смежных наук – в первую очередь истории и историографии, поднимается вопрос о связи путей развития истории психологии и истории как науки. История психологии рассматривается как один из способов конструирования реальности, в том числе и научной, а психологическое знание – как сфера влияния истории психологии, где каждый психолог, исследователь выступает как актер и полноценный субъект конструирования историко-психологического знания. Выдвигается предположение о недооцененности значения историко-психологического знания в современной науке и психологии, в частности. Приводится краткий экскурс в историю развития исторической науки и рассматривается история сменяющих друг друга тенденций развития истории как науки – в первую очередь, позитивизм и «историцизм», «лингвистический поворот», и исследуется роль этих тенденций в российской традиции истории психологии. Выделены современные тенденции в развитии истории психологии: расширение предмета исследования, актуализация феномена метафоры, а также обращение к понятию исторического опыта. Поднимается вопрос о проблеме исторического факта и исторической правды и их зависимости от исследовательской позиции. Делается вывод о том, что современные тенденции развития истории психологии отвечают актуальным тенденциям развития общей истории. Также в статье затрагивается вопрос о существующих критериях построения «идеальной» исторической науки среди российских исследователей – историков психологии. На основе проведенного анализа делается вывод о тесной связи между тенденциями исторической науки и истории психологии как части этой науки.

Ключевые слова: история психологии, методология истории, российская психология, российская традиция истории психологии.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-313-90004.

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

Обращение к такой области гуманитарного знания, как история психологии представляется сегодня крайне важным не только в силу уже не просто наметившихся, но и давно проявившихся общих закономерностей развития мировой науки, что как следствие требует систематизации и обобщения накопленных знаний, но и потому, что история психологии в качестве эпистемологического инструмента – это один из наиболее доступных способов конструирования картины мира, в том числе и научной (ведь история – это в первую очередь некоторая оптика, ракурс которой сильно зависим, как не пытаться минимизировать влияние субъективного компонента, от наблюдателя).

Среди современных тенденций изучения психического практически по любому из направлений (будь то, например, когнитивистика или, тем более, социальная психология) входит учет историко-культурной обусловленности того или иного психологического феномена. Однако представляется, что историческая составляющая в психологическом исследовании является сегодня недооцененной, следовательно, важно прийти к осознанию того, что любое психологическое знание является сферой влияния истории психологии.

Мало того, что психолог в своей работе всегда имеет дело в первую очередь с историческим материалом (и это касается не только совершаемого психологами исторического экскурса в изучаемую ими проблему, который является неотъемлемым этапом того или иного исследования, но и работы с любыми материалами, которые были получены в результате непосредственного исследования и интерпретируются психологами в определенном ключе), но и что более важно, любой исследователь так или иначе соприкасающийся с психологической областью знания является актором, субъектом истории психологии. Поэтому способы построения такой дисциплины как история психологии, помимо прочего проявляющиеся в интерпретации постоянно

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

накапливающихся достижений в области психологии и необходимости их встраивания в общую картину психологической науки, заслуживают намного большего внимания, чем они имеют сегодня.

Итак, споры о том, «как правильно делать» историческую науку (и доступна ли нам такая возможность в принципе) остаются актуальными: те же самые вопросы не обходят стороной и основной объект нашего исследования, а именно – историю психологии, только с большей конкретизацией и спецификацией. Чисто умозрительное соотнесение истории психологии с более широкими областями гуманитарного знания вряд ли способствует продвижению в сторону ответа на вопрос о том, должна ли история психологии развиваться по законам общей истории. Однако то малое, что все-таки можно сделать, – это проследить изменения в философско-методологических основаниях истории психологии и предпринять попытку соотнесения их с тенденциями общей, так называемой «большой» истории.

Говоря о соотношении истории психологии с историей «вообще», можно сразу отметить несопоставимый разрыв в бэкграунде этих областей знания. Историей психологии более или менее «прицельно» стали заниматься лишь немногим позднее, чем произошло оформление психологии как самостоятельной научной дисциплины (а произошло это, как известно, по общепринятой точке зрения сравнительно недавно – в начале второй половины XIX в.). Таким образом, изменения в области философско-методологических оснований истории психологии представлены более ограниченно, чем в «большой» истории. Очевидно, что это избавило историю психологии от такого существенного пласта прошлого общей истории, который, вслед за К. Поппером, можно обозначить как «историцизм» (Поппер, 1993), сегодня все чаще подвергающийся критике: так, с его точки зрения, «вера в историческую необходимость является предрассудком и предсказать ход истории с помощью

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

научных или каких-то иных рациональных методов невозможно» (Поппер, 1993, с. 3); следовательно изучать историю можно, но лишь как последовательность конкретных событий, которые существовали в прошлом, не приписывая этим событиям статуса неких объективных законов или закономерностей. Более того, если мы принимаем номиналистский подход, заключающийся в вере лишь в единичные события, то, с точки зрения Поппера и его последователей, не может существовать единой истории человечества, так как есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными сторонами человеческой жизни.

Одним из последователей этой линии критики историцизма был знаменитый французский философ и социолог Р. Арон, который постулировал принципиальную идею свободы истории: «историческая действительность, будучи действительностью человеческой, неоднозначна и неисчерпаема» (Арон, 2000, с. 137-138). Поскольку человечество не знает и не может знать, в чем заключается его судьба, постольку же невозможно знать, как может развиваться история, состоящая из усилий и действий отдельных людей.

Так, «каноническая» история психологии – это, скорее, тот самый «набор фактов, описаний школ и биографий выдающихся персоналий», которому в «большой» истории предшествовал длительный и весьма пестрый в своем многообразии период попыток выявления закономерностей, к которым подходили с разных сторон. Стоит, однако, отметить, что существуют и альтернативные точки зрения на счет «возраста» истории психологии: так, например, М.Г. Ярошевский строго разграничивает понятия «научная психологическая мысль» и «психология как самостоятельная наука»: по его мнению, «история психологии, таким образом, начинается значительно раньше периода, когда она сложилась как самостоятельная наука», так как «все преобразования – от древнего выведения различий в темпераментах людей из

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

смеси соков в организме до использования в современной психологии средств электроники, биохимии и кибернетики – представляют различные фазы восходящего движения психологического познания» (Ярошевский, 1966, с. 4).

Впрочем, даже если бы историки психологии задались целью установить такие закономерности, обосновать их было бы довольно сложно: ведь психология, как уже было упомянуто выше, молодая наука, и пытаться подвести ее развитие под какие-то законы было бы попросту необоснованно. При этом надо сказать, что внутри научного сообщества, конечно, ведутся дискуссии о будущем психологии (см., например: Журавлев и др., 2019; Юревич и др., 2018; и др.), однако прогнозы осуществляются пока без привязки к попыткам написать на основе этого целостную историю психологии.

В каком-то смысле «локальным историцизмом» для истории психологии в свое время выступила философия науки, особенно ярко выразившаяся в первой и второй волнах позитивизма. Даже сегодня многие исследователи, включая самих психологов, пытаются «втиснуть» психологию или отдельное ее направление в «прокрустово ложе» той же «концепции смены парадигм» Т. Куна (и речь не о прескриптивной ее составляющей, а о вполне описательной), однако речи о полноценном поиске закономерностей развития психологической науки пока не идет: большинство попыток создания истории психологии носит описательный характер номинального, «попперовского» толка.

История психологии не обладает столь обширным бэкграундом, и у нее пока не было достаточно исторического времени для саморефлексии, как у общей истории, однако это не мешает ей самой чувствовать веяния времени и/или интуитивно двигаться за своей «старшей сестрой», в чем-то копируя готовый инструментарий.

Во-первых, с уверенностью можно отметить в истории психологии наличие тенденций размывания «фрейма», который Ф. Анкерсмит считал

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

маркером эволюции исторического знания (Ankersmit, 1989). Введение им этого понятия как переосмысления фокуса исследования историка стало прямым следствием лингвистического поворота: осознавая тупиковость и устаревание дискуссий по поводу традиционной триады «объект-предмет-метод», исследователи начинают чувствовать необходимость постепенного внедрения нового категориального аппарата. Так, появляется понятие «рамы» (frame) как некой метафоры границы, позволяющей демаркировать прошлое и настоящее, отделять то, что подвергается анализу, от общего контекста. Сравнивая границы исторического текста с рамой для картины, Анкерсмит говорит о том, что историческому сочинению необходим аналог такой «рамы», так как в нем так же, как и в картине, представлена ситуация, которая лежит вне поля зрения познающего – смотрящего на картину, или, как в нашем случае, читателя исторического текста. Он приходит к выводу, что эволюция в историографии, помимо прочего, определяется попытками постоянного расширения этого фрейма, в который заключен исторический текст (Ankersmit, 1989, p. 22). В истории психологии тенденция «расширения границ» проявляется не только через все большее углубление в анналы истории (так, в работе J.F. Brennan и К.А. Houde «History and Systems of Psychology» подробно анализируются основные течения мысли не только философов Древней Греции, что стало для истории психологии уже традицией, но и Древнего Ирана, Китая, Японии и даже Древней Персии), но и через попытку расширить предмет обсуждения до уровня смежных областей: главы, посвященные философским основаниям психологии есть в работах М. Вертгеймера (Wertheimer, 2000); также невозможно оставить без внимания труд Я. Вальсинера, который был фактически первой и весьма удачной попыткой написать историю психологии через призму философии (Valsiner, 2012).

В.А. Рафикина

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

Осознание необходимости сдвига предмета истории психологии наблюдается и в работах российских историков психологии: «обоснованным является утверждение о необходимости расширения проблемного поля истории психологии за счет включения в него психологических идей, развивающихся в русле различных форм вненаучного обыденного знания» (Кольцова, 2008, с. 216), которое, по мнению В.А. Кольцовой, было намечено еще в 60-70 гг. XX в. (там же, с. 222).

Рассуждая о том, на каких основаниях стоит выстраивать новую историю психологии (примечательно, что необходимость в ее обновлении все-таки чувствуется некоторыми историками психологии), В.А. Мазиллов пишет в том числе и том, что она должна содержать новое, более широкое понимание предмета: «...какой должна быть новая история психологии? Назовем несколько ее характеристик: – должна отражать наличие различных потоков в психологическом знании; – отражать достижения не только психологической науки, но и психологической практики; – учитывать достижения ненаучного и вне-научного знания; – должна быть ориентирована на интеграцию психологического знания, обнаружение в позициях различных исследователей не только очевидных различий, но и сходства, акцентирование общего» (Мазиллов, 2014, с. 98).

Во-вторых, в продолжение разговора о перенятых от «большой» истории тенденциях истории психологии стоит упомянуть и весьма революционную попытку Д. Лири проанализировать историю психологии через категорию метафоры (Leary, 1994). Можно сказать, что в этой работе отразились последние тенденции общей истории после «лингвистического поворота» (Х. Уайт, А. Данто, Ф. Анкерсмит и др. посвятили множество трудов изучению категории метафоры в исторической области знания – и это, к слову, только философы науки и истории; не стоит и говорить, насколько более

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

богатый материал, обосновывающий важность изучения метафоры, можно найти в трудах современных лингвистов и психологов).

В-третьих, одной из наиболее заметных тенденций развития исторической науки, которая свойственна истории психологии и которая оказалась для нее наиболее важной в силу специфики ее «соседства» с психологической наукой, является тенденция поворота в понимании исторического опыта. С одной стороны, середина XX в. стала периодом расцвета дискуссий по поводу того, как вообще возможно помыслить исторический опыт: в частности, трагедия Холокоста подняла серьезный вопрос о том, может ли кто-то, помимо непосредственных участников этих событий, считать себя полноправным субъектом репрезентации этого исторического процесса. Эта проблема включает в себя не только и не столько вопрос этичности, сколько вопрос достоверности исторического факта. С другой стороны, осмысление общих для всего человечества трагедий XX в. повлекло за собой серьезный пересмотр расставленных ранее исторических акцентов и внесло весомый вклад в борьбу с подходом «истории элит» и «истории фактов»: теперь внимание историков в большей степени стали привлекать различные социально-культурные измерения, в том числе и история разных слоев населения. Следствие такого переосмысления проявилось в многообразии подходов к историописанию не с точки зрения методологии, вопрос о которой поднимался нами ранее (Рафикова, Мироненко, 2021), а с точки зрения фокуса внимания, самого предмета истории: так, популярными направлениями, зародившимися в 80-90-е гг. XX в., которые продолжают развиваться и сегодня, стали «интеллектуальная история», история идей, поворот к микроистории (в том числе перерождение жанра биографии с фокусом на внутреннем мире человека), гендерная история (основные

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

положения которой сформулированы Дж. Скотт в работе «Гендер – полезная категория исторического анализа») и так далее.

Так, историкам в большей степени, чем другим исследователям, предписывается способность чувствовать «нерв времени» и быстро схватывать его актуальные тенденции. А поскольку многие (если не большинство) историки психологии являются в первую очередь психологами, то это «чувствование актуального» проявляется у них еще более остро. В последних работах по истории психологии можно наблюдать поворот мысли зарубежных психологов в сторону актуальных тенденций западного общества: к ним относятся, в первую очередь, либерально-гуманистические ценности левого толка, проявляющиеся помимо прочего в обращении к проблемам меньшинств, а также в ориентализме. Так, в течение последних нескольких лет в работах историков психологии появляются специальные главы, посвященные роли женщин в психологии (глава «Women in Early American Psychology» в книге J.F. Brennan и К.А. Houde «History and Systems of Psychology», главы «Feminism and American psychology: the science and politics of gender» и «Inclusiveness, identity, and conflict in late XXth-century American psychology» в книге «A history of modern psychology in context» авторов W.E. Pickren и A. Rutherford). В уже упомянутом нами выше труде «History and Systems of Psychology» авторы обращаются к традиции восточной мысли, что отражает наметившийся в середине XX в. кризис «психологии WASP» (Мироненко, Журавлев, 2019, с. 88) и осознание необходимости пересмотра основных тенденций в исследованиях в западной науке.

Таким образом, можно констатировать, что современные тенденции развития западной истории психологии вполне отвечают актуальным тенденциям развития общей истории. Вывод из сделанного краткого обзора тенденций в западной традиции историописания адекватно выразил немецкий

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

историк психологии Х. Люк: «...позитивистское формирование исторической науки, по сравнению с моралистическим описанием истории, определенно было прогрессом. При более пристальном рассмотрении, однако, мы должны констатировать, что не существует исторической правды, история всегда является реконструкцией (воссозданием) прошлого, которая на самом деле является конструкцией (созданием)» (Люк, 2017, с. 198). Этими словами Люк еще раз подчеркивает важную для всей современной исторической науки проблему: история зависима от того, кто ее пишет.

В этом смысле для истории психологии существует еще одна опасность, а именно – стремление к формированию жесткого и ригидного консенсуса внутри исследователей, на что, как представляется, влияет тот факт, что исследованиями в области истории психологии занято сравнительно небольшое количество ученых. Точные сведения о распределении психологов внутри отраслей психологической науки (тем более, что эти отрасли можно варьировать по разным критериям) отсутствуют, однако, можно говорить о крайне небольшой доле исследователей, занятых в сфере истории психологии по сравнению с другими ее областями (особенно, если речь идет о группе историков психологии, которую, по словам А. Рузерфорд, Д. Дьюсбери называет «straight-liners» (Rutherford, 2009, p. 119), то есть тех историков, которые не совмещают работу в этой области с работой в других областях психологии).

Малочисленность группы историков психологии неизбежно сказывается и на специфике, которую приобретает в связи с этим профессиональное сообщество, которое они составляют: в первую очередь, можно отметить, что это сообщество обладает тесными внутригрупповыми связями (этот факт, к слову, очень ярко иллюстрируется тем, что литературные обзоры и разделы, посвященные так называемым «методологическим основам исследований» в

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

работах самых разных историков психологии состоят из набора одних и тех же фамилий, а списки литературы – из «канонического» набора трудов, на которые принято ссылаться). Это безусловно присуще не только историкам психологии: существование неких «канонов» и опора на «мнение научного сообщества» – тенденция общенаучная. Однако очевидно, что опасность существования подобного консенсуса тем выше, чем малочисленнее группа, в которой этот консенсус принят. Стремясь преодолеть потенциальную пагубность субъективности и индивидуального влияния исследователя, явно не котирующихся в научном сообществе, стоит помнить и о довлеющей опасности коллективного влияния. Ведь существование так называемого «consensus patrum» – есть не что иное, как форма замкнутости и неповоротливости, которые, в свою очередь, явно не благоприятствуют расцвету эвристики и познавательной активности.

В российской традиции изучения истории психологии есть попытки переосмысления доминирующей тенденции: представляется интересной идея В.А. Мазилова, который видит одну из функций философии психологии в «определении стратегии историко-психологических исследований». Эта идея по своей сути является очень постмодернистской: говоря о том, что «философия психологии так важна для истории психологии», потому что «...автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию “из будущего” (не из сегодняшнего дня)». Мазилов фактически отвергает позитивизм, признавая факт неизбежности идеологической ангажированности исследователя и предлагая, фактически, всего лишь «оформить» эту ангажированность, придать ей внутреннюю непротиворечивость (Мазилов, 2014, с. 98). Здесь же Мазилов артикулирует очень важную идею о принципиальной невозможности достижения прозрачности как объекта познания (в смысле его реальной

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

доступности), так и самого познающего, возникшую во времена структуралистского поворота в истории и прочно там укоренившуюся: «особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разьяснять, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлексированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований» (Мазилов, 2014, с. 99).

Этот момент представляется важным, и мысль Мазилова стоит развить: идеологическая ангажированность или, если угодно, та самая субъективность исследователя – это вовсе не то, от чего стоит бежать, как это принято в позитивистской традиции; это, напротив, то, что стоит прямо постулировать и высвечивать, в первую очередь, для «познавательного удобства» читателя. Кратко описанные нами ранее лингвистический, а следом за ним – риторический и нарративный повороты в историописании, выходят из идеи М.М. Бахтина о диалоге между читателем и автором текста (Бахтин, 2002). Прочтение текста как диалога между историком и читателем приводит к тому, что историк должен учесть и заранее обозначить все возможные и наиболее важные факторы, которые могли изначально повлиять на формирование его мнения.

В заключение стоит отметить, что одной из актуальных задач для исследователей гуманитарных областей сегодня является осмысление накопившихся фактов. И историкам с большей осторожностью, чем любым другим исследователям, приходится выполнять эту задачу; более того, желательно, чтобы ее выполнение так же соответствовало веяниям времени. Так, возвращаясь к вопросу о том, должна ли история психологии развиваться по канонам развития общей истории – можно ответить, что, при существующих

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

предпосылках и постулируемых самими же психологами целях (о которых говорилось выше) – скорее должна. И в первую очередь, это связано с глобализацией науки и необходимостью соотноситься с мейнстримом, неизбежность чего уже давно довлеет над локальными психологическими традициями (вне зависимости от того, выделена ли эта традиция по чисто географическому признаку, как, например «китайская психология», «российская психология» или по философско-идеологическим основаниям, как «культурно-историческая психология»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 тт. Т. 6. Проблемы творчества Достоевского. М.: Изд-во «Русские словари», 2002.
- Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Прогнозирование и его перспективы в психологической науке (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 118-125.
- Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Люк Х.* История психологии: методология и методы // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 194-203.
- Мазилев В.А.* История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник ВятГУ. 2014. № 2. С. 94-100.
- Мироненко И.А., Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87-98.
- Поппер К.Р.* Ницета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» – VIA, 1993.
- Рафикова В.А., Мироненко И.А.* Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Психология. 2021. Т. 11. Вып. 4. С. 312-325.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики // Институт психологии РАН.

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1(9). С. 6-19. URL: <http://socioeconom-psychology.ru/engine/documents/document594.pdf> (дата доступа: 10.03.2023).

Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1966.

Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history; the dynamics of historiographical topology // Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Noord-Hollandsche, 1989.

Leary D.E. Metaphors in the History of Psychology. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.

Rutherford A. History's mysteries demystified: Becoming a psychologist-historian // American journal of psychology. V. 122. № 1. P. 117-129.

Valsiner J. A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2012.

Wertheimer M. A Brief History of Psychology. Pennsylvania: Harcourt College Publishers, 2000.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Aron R. Izbrannoe: Vvedenie v filosofiyu istorii. M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000.

Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 6. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. M.: «Russkie slovari», 2002.

ZHuravlev A.L., Nestik T.A., YUrevich A.V. Prognozirovanie i ego perspektivy v psihologicheskoy nauke (otvet uchastnikam diskussii) // Psihologicheskij zhurnal. 2019. T. 40. № 1. S. 118-125.

Kol'cova V.A. Istoriya psihologii: Problemy metodologii. M.: Izd vo «Institut psihologii RAN», 2008.

Lyuk H. Istoriya psihologii: metodologiya i metody // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 5. S. 194-203.

Mazilov V.A. Istoriya psihologii i filosofiya psihologii: neobhodimo vzaimodejstvie // Vestnik VyatGU. 2014. № 2. S. 94-100.

Mironenko I.A., ZHuravlev A.L. Biosocial'naya problema v kontekste global'noj psihologicheskoy nauki: ob universal'nyh harakteristikah cheloveka // Psihologicheskij zhurnal. 2019. T. 40. № 6. S. 87-98.

Popper K.P. Nishcheta istoricizma. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – VIA, 1993.

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

- Rafikova V.A., Mironenko I.A. Aktual'nye tendencii metodologii istorii psihologii v svete filosofsko-metodologicheskikh problem istoriografii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Psihologiya. 2021. T. 11. Vyp. 4. S. 312-325.
- YUrevich A.V., ZHuravlev A.L., Nestik T.A. Cifrovaya revolyuciya i budushchee psihologii: k prognozu razvitiya psihologicheskoy nauki i praktiki // Institut psihologii RAN. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2018. T. 3. № 1(9). S. 6-19. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document594.pdf> (data dostupa: 10).
- YAroshevskij M.G. Istoriya psihologii. M.: Mysl', 1966.
- Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history; the dynamics of historiographical topology // Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Noord-Hollandsche, 1989.
- Leary D.E. Metaphors in the History of Psychology. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Rutherford A. History's mysteries demystified: Becoming a psychologist-historian // American journal of psychology. V. 122. № 1. P. 117-129.
- Valsiner J. A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2012.
- Wertheimer M. A Brief History of Psychology. Pennsylvania: Harcourt College Publishers, 2000.

В.А. Рафикова

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

SOME PROBLEMS OF THE METHODOLOGY OF THE HISTORY OF PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF HISTORIOGRAPHY**

V.A. Rafikova*

*Graduate student, researcher, faculty of psychology, FSFEE HE «Saint Petersburg State University»; 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034; e-mail: veronikarafikova1996@gmail.com

Summary. The article deals with the problem of the development of the history of psychology in the light of related sciences – first of all, history and historiography, raises the question of the relationship between the development paths of the history of psychology and history as a science. The history of psychology is considered as one of the ways of constructing reality, including scientific one, and psychological knowledge is considered as a sphere of influence of the history of psychology, where each psychologist, researcher acts as an actor and a full-fledged subject of constructing historical and psychological knowledge. An assumption is made about the underestimation of the importance of historical and psychological knowledge in modern science and psychology in particular. The article provides a brief excursion into the history of the development of historical science and examines the history of successive trends in the development of history as a science – first of all, positivism and «historicism», «linguistic turn», and examines the role of these trends in the Russian tradition of the history of psychology. Modern trends in the development of the history of psychology are highlighted: the expansion of the subject of research, the actualization of the phenomenon of metaphor, the appeal to the concept of historical experience. The question is raised about the problem of historical fact and historical truth and their dependence on the research position. It is concluded that the current trends in the development of the history of psychology correspond to the current trends in the development of general history. The article also raises the question of the existing criteria for building an «ideal» historical science in Russian discourse. On the basis of the analysis carried out, a conclusion is made about a close connection between the trends in historical science and the history of psychology as part of this science.

Keywords: history of psychology, methodology of history, Russian psychology, Russian tradition of the history of psychology.

** The study was supported by RFBR, No 20-313-90004.